

Притворная невинность

-[Конохамару х Кушина]-

В главных ролях: Шота-кун и Милфа.

Глава 1

Шаги Конохамару легким эхом отдавались на мощеной дорожке, ведущей к дому Наруто. Вечернее солнце отбрасывало длинные тени на деревню, окрашивая улицы в оранжево-золотые тона. Когда он подошел к знакомой деревянной двери, в его груди затрепетало предвкушение. Ему предстояло поделиться с Наруто важными новостями, которые не могли ждать. Он постучал в дверь, надеясь, что его друг дома.

Дверь со скрипом отворилась, и перед нами предстала женщина с потрясающими красными волосами и пронзительными голубыми глазами. Конохамару сразу узнал ее - Кушина Узумаки, мать Наруто. — Ох, Конохамару, что привело тебя сюда? — тепло поприветствовала она, нежно улыбаясь. От ее присутствия исходило материнское тепло, что сразу же успокаивало Конохамару.

— Я ищу Наруто, — ответил Конохамару с нотками беспокойства в голосе. — Мне нужно сказать ему кое-что важное, — он переминался с ноги на ногу, глядя мимо Кушины в тускло освещенный интерьер дома в надежде увидеть своего друга.

Выражение лица Кушины смягчилось, а в глазах мелькнуло сочувствие. — Прости, Конохамару, — сказала она с сожалением в голосе. — Но Наруто еще долго не будет дома. Его забрал на миссию Какаши-сенсей, — она сделала паузу, и ее брови озабоченно изогнулись. — Все в порядке? Ты выглядишь встревоженным.

Конохамару на мгновение замешкался, обдумывая слова Кушины. В его голове роились мысли о важных новостях, которые он нес, и срочность грызла его изнутри. Но было и кое-что еще - появилась возможность, неожиданная, но манящая. Возможность провести время наедине с Кушиной, насладиться ее присутствием и, возможно, разделить с ней момент близости.

Глубоко вздохнув, Конохамару набрался смелости и решительно встретил взгляд Кушины. — У меня есть кое-что важное, что я должен обсудить с Наруто, — начал он, его голос был ровным, несмотря на беспокойство, бурлившее в его голове. — Но, может быть... я мог бы зайти и поговорить с вами? — Юноша лучезарно улыбнулся, а его сердце гулко колотилось в груди, пока он ждал ее ответа.

Кушина смотрела на него со смесью удивления и любопытства, ее губы искривились в небольшой улыбке. — Конечно, Конохамару, — сказала она, отступая в сторону, чтобы освободить ему место. — Тебе здесь всегда рады, — когда Конохамару вошел в теплый дом Узумаки, его охватило волнение. Остаться наедине с Кушиной - что может быть лучше?

Сердце Конохамару бешено колотилось, когда Кушина приветствовала его в уютной обстановке дома Узумаки. Он с восторгом наблюдал, как она грациозно движется по кухне, а каждое ее движение превращается в завораживающий танец, пленяющий его чувства. Мягкий вечерний свет освещал ее фигуру, отбрасывая тени, которые подчеркивали ее изгибы во всех нужных местах.

— Пожалуйста, устраивайся поудобнее, Конохамару, — тепло улыбаясь, сказала Кушина, жестом указывая на стоящее рядом кресло. — Я немного приберусь, и мы сможем поговорить, — и она скрылась в глубине кухни, оставив Конохамару наедине со своими мыслями.

Устроившись в кресле, Конохамару не мог оторвать глаз от фигуры Кушины, которая расхаживала по комнате в облегающей одежде что удачно подчеркивала каждый изгиб и контур ее тела. Во рту у него пересохло, и он почувствовал, как внутри него поднимается жар, не имеющий ничего общего с теплом комнаты. Он не мог не восхищаться ее красотой, и его взгляд задерживался на каждом ее движении с нескрываемым желанием.

Глаза Конохамару жадно следили за Кушиной, когда она двигалась по кухне, фиксируя взгляд на дразнящем покачивании ее бедер. С каждым шагом, который она делала, подчеркивая свои изгибы облегающей тканью одежды, его желание разгоралось все жарче, и он с трудом сдерживал первобытные позывы.

Его взгляд неумолимо притягивался и к мягкому покачиванию ее пышной груди, и это едва уловимое колыхание завораживало его внимание, вводя в состояние транса. У него пересохло во рту, когда он представил себе мягкость ее кожи под кончиками пальцев, тепло ее тела, прижатого к его собственному. Он знал, что не должен думать о подобном, но манящая красота Кушины была слишком пьянящей, чтобы сопротивляться.

Погрузившись в свои мысли, Конохамару едва заметил, как Кушина повернулась к нему лицом, и в уголках ее губ заиграла довольная улыбка. Пойманный с поличным, он почувствовал, как щеки заливают румянец смущения, но отвести от нее взгляд так и не смог.

Когда взгляд Конохамару вернулся к лицу Кушины, он с облегчением увидел, что она не заметила его блуждающих глаз. Он мысленно поблагодарил все возможные звезды, которые присматривали за ним. Но его облегчение было недолгим, поскольку тишину нарушил нежный голос Кушины.

— Итак, Конохамару, что привело тебя сюда сегодня? — спросила она, по-доброму и в то же время пытливо. Конохамару засуетился, пытаясь придумать правдоподобную причину своего визита. И тут, словно молния, на него снизошло вдохновение.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, Конохамару серьезно посмотрел на Кушину. — На самом деле, Кушина-сан, — начал он с нотками уязвимости в голосе, — в последнее время мне очень больно, и я не знаю, что с этим делать, — он внимательно следил за ее реакцией, надеясь, что его слова прозвучат достаточно искренне, чтобы вызвать у нее сочувствие и понимание.

Выражение лица Кушины изменилось под влиянием искреннего беспокойства, когда она выслушала слова Конохамару. Не раздумывая, она быстрыми шагами направилась на кухню, целенаправленно собирая ингредиенты для чайника. Конохамару украдкой поглядывал на нее, задерживая взгляд на изгибе ее шеи, и грациозной спине.

По мере того как Кушина работала, в ней разгорались материнские инстинкты, а в голове роились мысли о том, как помочь Конохамару справиться с болью. Она двигалась с чувством срочности, ее движения были плавными и эффективными, пока она готовила чай. С каждым мгновением Конохамару все больше и больше влекло к ней, а взгляд его был прикован к каждому ее движению.

Увлеченный моментом, Конохамару изо всех сил старался сосредоточиться на разговоре. Несмотря на все усилия, его глаза блуждали, задерживаясь на пухлой попке Кушины, склонившейся над прилавком. От осознания того, куда забрели его мысли, по щекам разлился жар, но он не мог отвести взгляд.

Кушина сделала паузу в своей суетливой деятельности, и ее бровь озабоченно нахмурилась, когда она повернулась лицом к Конохамару. — Конохамару, все в порядке? — спросила она, в ее голосе звучало неподдельное беспокойство. — Ты выглядишь... странно.

Сердце Конохамару заколотилось, когда он встретил взгляд Кушины, и его щеки залил румянец смущения. Озорно улыбнувшись, он опустил взгляд на свои брюки, молча указывая на причину своего дискомфорта. Кушину осенило, и ее глаза расширились от понимания.

— Ох! — воскликнула она, слегка покраснев, когда поняла подтекст жеста Конохамару. — Прости меня, Конохамару. Я не хотела заставлять тебя чувствовать себя неловко, — она быстрым движением налила ему чашку чая, пытаясь снять повисшее в воздухе напряжение.

Щеки Конохамару пылали от смущения, но он не мог не улыбнуться. — Все в порядке, Кушинасан, — сказал он с оттенком веселья в голосе, — Я ценю вашу заботу, — потягивая чай, который она приготовила для него, он не мог избавиться от ощущения тепла, которое распространялось по нему в ее присутствии. Несмотря на неловкость момента, он был благодарен за возможность провести время наедине с такой заботливой и красивой женщиной.

Пока Конохамару потягивал чай, боль в штанах продолжала терзать его - постоянный дискомфорт, который он не мог игнорировать. С каждым мгновением его беспокойство росло, а брови морщились от интенсивности страданий. Он дал понять Кушине, что боль реальна, и его жесты передавали его страдания, даже когда он пытался сохранить видимость самообладания.